

Вертикаль опустили в шахту

После аварии на «Распадской» взяткостоемость кресел чиновников надзирающих органов возрастет, а жизнь шахтеров будет по-прежнему дешевле расходов на безопасность. Отсюда и катастрофы.

По итогам тяжелых рукотворных катастроф последнего времени становится привычным делать легкие неверные выводы и извлекать не те уроки. Разбирая трагедию на «Распадской», Владимир Путин решил расширить полномочия Ростехнадзора, передать его из Минприроды в прямое подчинение правительству и усилить специализированным управлением горного надзора.

О «повышении» Ростехнадзора Путин объявил 17 мая. В тот день в Новосибирске облсуд вынес приговор главе управления Ростехнадзора по Сибирскому федеральному округу Леониду Баклицкому, человеку с двумя паспортами. Следствие арестовало его имущество: банковские валютные счета, более 4 млн акций ВТБ, шесть объектов недвижимости — квартиру в Москве, коттеджи на Алтае, доли в квартирах в Новосибирске. За четыре доказанных эпизода получения взяток Баклицкого приговорили к 8 годам колонии, штрафу в размере 1 млн рублей (взятками он получил куда больше), а также лишили права в течение трех лет занимать должности в госорганах.

Спустя два дня после заявления Путина, 19 мая, СКП РФ по Забайкалью передал в суд дело в отношении бывшего руководителя забайкальского Ростехнадзора Бориса Шевченко, обвиняемого во взяточничестве и злоупотреблении должностными полномочиями. А незадолго до заявления Путина в суд направили дело руководителя Енисейского межрегионального территориального управления Ростехнадзора Сергея Аржанова. Тоже взяточничество.

В Ростехнадзоре берут деньги за то, чтобы не выполнять служебные обязанности. Не надзирать за техническим состоянием страны, чрезвычайно насыщенной крайне опасными производствами. Страны, что оплетена, связана теперь гниющей и ветшающей советской инфраструктурой. Эти деньги маркированы кровью Саяно-Шушенской и «Распадской», «Ульяны» и «Тайжины», «Юбилейной» и алюминиевого завода в Шелехове. Поэтому чиновнику такого ранга и вынесен столь суровый приговор — пожалуй, впервые в России.

Путин, надо полагать, надеется, что расширение полномочий позволит Ростехнадзору повысить эффективность не в сборе взяток, а, напротив, в выполнении прописанных в должностных инструкциях обязанностей. С чего бы? Откуда столь романтический взгляд на коллег?

Баклицкий возглавил межрегиональное управление Ростехнадзора по СФО в июле 2006 года. На процессе оглашались показания советника председателя Совета Федерации Константина Пуликовского — он бесславно возглавлял Ростехнадзор с 2005 по 2008 год. Так вот, по словам Пуликовского, к нему на Баклицкого жалоб не поступало. Пуликовский ушел с должности главы Ростехнадзора по собственному желанию в сентябре 2008 года. Баклицкого взяли через три месяца, при получении взятки 465 тыс. рублей.

Сейчас в Ростехнадзор набрали не таких, других?

Путин, формулируя административные и структурные выводы из междуреченской катастрофы, отметил, что, несмотря на множество претензий к руководству «Распадской», в денежном выражении их сумма незначительна: «Это значит, что надзорные функции фактически не исполняются. В этой связи считаю возможным наделить инспекторов Ростехнадзора правом за грубые нарушения правил безопасности временно отстранять от работы должностных лиц и правом приостанавливать работу в шахте, если норма загрязнения воздуха достигла критических 2%. Прямо на месте, с последующим правом оспаривания этих решений в суде». Премьер противоречив: инспекторы не могли даже штрафами обложить (боялись или проводили согласованную политику с руководством шахты — не важно), а сейчас будут шахты прямо вот так закрывать?

История о том, что в прошлом году Ростехнадзор четыре раза обращался в суд с иском о дисквалификации директора «Распадской» Игоря Волкова, и — безрезультатно, несомненно, сказочная. Нет, вполне так все

может и выглядеть, четыре обращения в суд. Но это сказки — бессилие Ростехнадзора. Это ведомство, как и департамент угольной промышленности и энергетики Кемеровской области, как и лично губернатор Тулеев, обладает громадным влиянием на все без исключения шахты региона. И при желании любую шахту можно закрыть и отстранить от работы любого топ-менеджера в любой день — нарушения найдутся всегда. Абсолютно легитимно, по суду.

Но Путин решил, что такой механизм неэффективен. Эффективнее подвергнуть персонал Ростехнадзора еще большим искушениям, повысить «взяткостойкость» их кресел. Еще больше государства — простое, классическое и неверное решение.

Надзор государства за бизнесом, в том числе за техническим состоянием, возможен там, где есть государство и есть бизнес. У нас нет ни того, ни другого, если исходить из хрестоматийного определения этих понятий. Есть некий единый — ну, во всяком случае, неразделимый — конгломерат, добывающий это пространство.

Уголь рубят, реки останавливают и плавят алюминий не только в России. Но именно в России, в Сибири прибыльность угольного бизнеса базируется на «нулевых» (так называют погибших шахтеров), на том, что шахтеров проводят по графе расходных материалов, — это выгоднее, чем к людям по-людски. Хоронить дешевле. Именно в Сибири сам смысл алюминиевого бизнеса основывается на том, что с него никто не спрашивает так, как это принято в развитом мире, за экологические последствия его деятельности. Это в России алюминий, он же материализованный электроток, тождественен затопленной родине, незамерзающим рекам, болезням, ранним смертям и страху жизни под плотиной, а уголь означает взрывы и смерти шахтеров. Нет, риск — это часть шахтерской профессии во всем мире. Однако не в таких пропорциях (считают смерти в забое на каждый миллион тонн добытого угля). В приличных странах смертей в таких количествах не бывает, как у нас, в Украине и в Китае. Разница не в разы и не на порядок. На порядки.

И если в Австралии или США уровень жизни шахтеров рос, а смерти — падал, у нас работает не обратная, а прямая зависимость: уровень жизни меряется уровнем смерти. Богаче живем, если больше добываем. Больше добываем — больше гибнем. Больше смертей — богаче жизнь выживших.

Причина всех без исключения крупных техногенных аварий последнего времени отлично известна всем — малая цена жизни в России. Жизнь шахтера для собственника шахт дешевле расходов на безопасность. А государство не стимулирует бизнес инвестировать в безопасность. Как разделить их ответственность? Все крупные бизнесмены, работающие сегодня в ресурсодобывающей Сибири, делают ровно то, что им велит или позволяет крыша — госвласть. Путин или Путин поменьше — Тулеев. Другие губернаторы.

Бизнеса нет, есть исполнители. Несомненно, директор «Распадской» Волков должен был уйти. Как несомненно и то, что его опыт и знание шахты нужны сейчас как никогда. Но стоило премьеру назвать его «гражданином» — с холодным прищуром, как группа владельцев шахты взяла под козырек.

При этом Тулеев продолжает произносить пламенные речи: корень зла — неправильный собственник. Путин, как водится, сдержаннее. Самим разговором о роли Ростехнадзора премьер пусть косвенно, но признал вину государства. Вместе с тем это выглядело повторением пикалевского сценария: государство поможет, родное, избавит и успокоит. Спасибо!

До какого уровня наращивать роль государства? До горла, до бровей, до маковки? Что, в Китае государство слабое? И что, помогло это? Сколько там шахтерских смертей? Шахтерских смертей меньше там, где индивидуальная жизнь имеет ценность, где царят традиционные демократии, где власть и бизнес разделены, где между ними нет ни любви, ни отношений «начальник — подчиненный». Где есть профсоюзы и пресса — в хрестоматийных значениях этих слов.

Государство на пару с бизнесом рассказывают о модернизации. Непонятно, зачем она им, если выстроена стройная система — кол власти, загнанный в страну. По-другому не то что не умеют — не получится. Подробнее об этом.

Весь Кузбасс, включая власть и бизнес, знает о горном инженере Николае Торгаеве, авторе методики прогноза горных ударов и землетрясений. Кузбасс — сейсмоактивный район, Междуреченск — в зоне геологических разломов, при подвижке пород выделяется метан. От анализа геофизики пластов зависят шахтерские жизни. Еще в 90-х Торгаев предлагал и региональной власти, и собственникам шахт своевременное обследование лавы геофизическими методами. Оценку напряженного состояния горных пород и прогноза устойчивости их горных выработок. Безуспешно. Арифметика простая: не нашлось 50 тыс. руб., тратили затем на восстановление горных выработок сотни миллионов. Деньги есть на пышные похороны и

памятники, нет на организацию служб прогноза и предотвращение катастроф. Трагедию «Распадской» могла вызвать тектоническая активность. Но ни на исследования Торгаева, ни на мониторинг денег не находится и теперь.

Прекращены по той же причине в 2002 году работы по выявлению мест, опасных газодинамическими проявлениями, — это уже методика Аэрокосмической партии. Она позволяет определять зоны сжатия и растяжения земной коры и находить емкости подземных вод с растворенным в них метаном (до 200 объемов в одном объеме воды). Газовые купольные поднятия (газовые пузыри, как их называют горняки) экранированы сверху безугольными породами. При их вскрытии происходит резкий выброс метана — давление в «куполе», как в откупоренной бутылке шампанского, падает, и газ с силой устремляется в отверстие. Возможно, так и произошло на «Распадской», «Ульяне», «Юбилейной». Начальник Аэрокосмической партии Ярем Грицюк рассказал «Кузнецкому рабочему»:—«Если бы это случилось в Великобритании или Австралии, то там в Горном кодексе записано: при резком падении атмосферного давления людей выводят из забоя. Мы 8 мая наблюдали именно это явление — быстрое падение давления. При этом создаются опасные условия, когда водорастворенный метан устремляется в выработанные пространства. Несколько лет назад у нас была делегация английских горняков, так вот они, по своему кодексу, ориентируются на скорость падения давления и в зависимости от этого либо удваивают внимание к деятельности вентиляционных служб, либо выводят всех на поверхность. Такое, кстати, бывает не так часто, даже не каждый год. Ну а у нас, допустим, увидел инженер, что барометр катастрофически падает, обращается к начальству: надо выводить людей. И куда его пошлют? Правильно, план выполнять надо, деньги получать надо, а давление — для неженков-англичан».

Для локализации, предупреждения взрывов метана и угольной пыли на шахтах Кузбасса до сих пор используют пассивные сланцевые заслоны: на полки тоннами засыпается инертная пыль (из сланца, ракушечника), которая должна гасить взрывы и тушить пламя. Методика родом из XIX века. От этой крайне неэффективной системы защиты отказались повсюду давным-давно, у нас производство инертной пыли освоили в 1967 году на фабрике в Гурьевске. Ныне это ЗАО «Инертник», и оно продолжает обеспечивать этой защитой всю Сибирь и Дальний Восток. Нормально: нормативы, регламентирующие безопасность по пылегазовому фактору, базируются на исследованиях 50—60-х годов прошлого века.

На родине сланцевой защиты, в Германии, она уже полвека запрещена. И в Германии шахты не взрываются.

Это исчерпывающий пример — со сланцами. Мы из них пыль делаем, как нем-цы и поляки в позапрошлом веке. Тем временем у них, в Польше и Германии, собираются добывать сланцевый газ. Что, как отметил 20 мая министр Юрий Трутнев (из ведомства которого забирают Ростехнадзор), представляет проблему для «Газпрома» и России. Понятно, если европейские страны увеличат свою добычу газа, потребность в топливе из России упадет.

Меж тем в России уже пять лет существует АСВП-ЛВ (автоматическая система взрывоподавления — локализации взрывов). О ней отзываются как о лучшей в мире по быстродействию и параметрам создаваемого локализирующего облака. Она сертифицирована, применяется на некоторых шахтах. Когда взрывались «Томская», «Ульяновская», «Юбилейная» в Кузбассе, «Комсомольская» в Воркуте, ни один шахтер за этими системами не погиб.

Разработчики АСВП-ЛВ — ведущие специалисты страны, Институт горного дела им. А.А. Скочинского (это национальный научный центр горного производства), Межведомственная комиссия по взрывному делу при Академии горных наук. Внедрение тормозится. Именно за это отвечает Ростехнадзор. На «Распадской» АСВП-ЛВ отсутствовала. На «Распадской» — самое передовое оборудование для добычи угля и система защиты людей из позапрошлого века. Неудивительно: модернизация — это то, что снижает себестоимость и увеличивает добычу. При чем здесь шахтеры? В Дании меж тем спасают морских свинок, которые, бывает, запутываются в рыболовецких сетях. Прежние акустические устройства, закрепленные на сетях, не удовлетворяли тем, что свинок отпугивали, а дельфинов, наоборот, привлекали. Теперь придуман умный интерактивный гидролокатор, который отпугивает избирательно морских свинок, обнаруживая их ультразвуковые щелчки.

Это вторая знаковая авария. Знак в том, что рушатся самые-самые: самые большие, самые новые, самые передовые. Лучшие в своих отраслях предприятия, флагманы. И «Распадская», и Саяно-Шушенская завязаны на металлургию. Оба гиганта показывали рекордную выработку — «Распадская» за первый квартал увеличила добычу аж на 61% по сравнению с первым кварталом 2009 года. (О каком кризисе нам рассказывают? Или вот еще теперь обсуждают: перерастет ли экономический кризис в социальный? У кого кризис — у московских брокеров и пиарщиков?) Саянская и междуреченские катастрофы, конечно, не случайны: оборудованные новейшей автоматикой предприятия раньше других сталкиваются с проблемой, которую не обойти, в которую

можно лишь с размаха врезаться, с большим или меньшим количеством жертв. Проблема состоит в противоречии между современной техникой, как правило, западной, и безусловно устаревшими инструкциями, правилами безопасности, техрегулирования. Между советской философией обращения с техникой и самой этой техникой — английской и немецкой.

Мог бы привести длинный список имен специалистов: все как один утверждают, что нормативная база сильно отстает от технологий горной добычи, по которым многие российские компании ныне в мировых лидерах. Интенсивность угледобычи растет. Это, как и разработка более глубоких горизонтов, применение новых технологий и механизмов, повышает риск взрывов. Нормативную базу по их предупреждению и локализации, планы ликвидации ЧП, правила безопасности надо приводить в соответствие со временем.

Название этому — в старых учебниках: «Противоречие между производительными силами и производственными отношениями». Мощнейшее оборудование сталкивается с порядками из каменного века, дикого капитализма, когда инженеры служат на побегушках у финансовых менеджеров, когда директор — шахты ли, гидроэлектростанции ли — без ведома собственника не может и чихнуть, не то что изменить режим работы, хотя ее условия в шахте меняются ежечасно. Или наоборот — нарушает технологию по приказу «давай-давай». Когда ради сверхприбылей собственники экономят на техническом обслуживании, безопасности, ремонтах, замене основных фондов. На системе оплаты труда.

Характерна дискуссия: затыкают ли шахтеры, глушат, заматывают тряпками датчики метана или нет? Можно ли обмануть новые датчики? Сколько датчиков можно обмануть? Это все равно что спорить, самоубийцы шахтеры или нет. Понятно: никто к датчикам никогда не прикаснется, если за их срабатывание перестанут резать зарплату. Сейчас сетуют: шахту затопят, и мы так ничего и не узнаем. Что хотим узнать? Обманывали ли шахтеры автоматику? А не желаете узнать, почему ставят стахановские рекорды — из энтузиазма?

Правду о датчиках не узнать никогда и никому, но есть данность, исчерпывающе отвечающая на все вопросы: речь не о деньгах, у шахтеров — семья, дети, и они хотят есть.

Хорошо, если доля оклада в зарплате горняков действительно поднимется с 30 до 70 процентов, как того пожелал премьер. Сдельный заработок на шахтах вызывает катастрофы. Правда, не ясно, касается ли это только одной угольной компании или всех без исключения?

Еще раз: сырьевой бизнес в России базируется на низкой стоимости человеческой жизни. Отсюда катастрофы. Если вдруг эта цена начнет расти, рентабельность бизнеса будет исчезать. Если появятся реальные профсоюзы, ну или рабочие из чувства самосохранения приступят к созданию Советов трудовых коллективов по технической безопасности предприятий (что предлагали еще после катастрофы на Саяно-Шушенской), если у пролетариата появится интерес к борьбе за свои права, многие шахты и заводы их собственникам будет проще закрыть. Либо завезти на них гастарбайтеров.

Это, впрочем, не беда. Беда — то, как сегодня день изо дня живут и работают люди на передовых предприятиях, чьими акциями торгуют на мировых площадках. Беда — повседневная жизнь этих людей, о которой начинают говорить и сожалеть, только если она трагически заканчивается. Беда — сама эта масса из средневековья, трясущая зарплатными квитками, когда еще не всех нашли и похоронили. Если б эта масса требовала хотя бы не себе денег, а семьям погибших — по мировому стандарту, тогда, может, жизни горняков и повысились бы в цене. (Я тоже себя, если что, к этой массе отношу.)

Николай Кутьин, глава Ростехнадзора, юрист, в прошлом помощник председателя райисполкома в Ленинграде, запомнился публике по шедевральному описанию аварии на Саянке: «Полторы тысячи тонн весом летательный аппарат вопреки законам физики поднялся в воздух и летал. Мы побили рекорд Гиннеса, и ученые теперь испытывают внутренний ужас от того, что законы физики были нарушены». Такой поэт — явно не тот человек, который способен решить системные проблемы России. С таким Ростехнадзором лучше бы вовсе закрыть все сложные производства, а уголь добывать кайлом в карьерах. Впрочем, дело, конечно, не в Ростехнадзоре и даже не в «путинской модели» экономики, уже демонстрирующей эффективность лишь в ручном управлении.

Режим не заинтересован искать и будить в массах чувство собственного достоинства. Режим не будет этой массе создавать профсоюзы, напоминать, что у нас вообще-то свобода слова и собраний. Режим заинтересован в усилении государства. Что и наблюдаем. А значит, ничего не изменится. Разве уровень коррупции еще вырастет. Он тоже у нас зависит напрямую от уровня смерти. Только умирать одним — повышать благосостояние другим.

P.S. 15 марта «Новая» задала четыре вопроса Н. Кутыну, касающиеся его ведомства и надзора за Красноярской ГЭС. Она тоже показывает рекордную выработку и демонстрирует удивительно хорошие финансовые показатели, а инженеры говорят о проблемах в ее нижнем бьефе. Хочется напомнить юристу Кутыну о наличии Закона РФ «О СМИ», согласно ст. 38 — 40 которого Кутын либо другие уполномоченные работники Ростехнадзора обязаны были в семидневный срок ответить на наши вопросы. Или уведомить в трехдневный срок об отсрочке ответа. Этого не случилось. Вопросы сохраняют актуальность.

Алексей Тарасов
наш. соб. корр., Красноярск

Автор: Артур Скальский © Новая газета ПОЛИТИКА, РОССИЯ 👁 3605 25.05.2010, 13:10 📌 294

URL: <https://babr24.com/?ADE=86000> Bytes: 18895 / 18876 Версия для печати

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: @babrobot_bot

эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)